

УДК 82-7
DOI 10.17223/18137083/67/7

М. М. Гельфонд

Высшая школа экономики, Нижний Новгород

**О возможном источнике
манделъштамовской эпитафии А. Белому**

Статья посвящена рассмотрению стихотворения П. А. Вяземского из цикла «Хандра с проблесками» как одного из возможных претекстов стихотворения О. Э. Манделъштама «Откуда привезли? Кого? Который умер?», включенного в цикл-реквием памяти Андрея Белого. Произведения Манделъштама и Вяземского анализируются как в контексте конкретных литературных ситуаций (отклик Манделъштама на смерть Белого соотносится со стихотворением Вяземского с эпитафией из Дмитриева), так и в контексте жанровой динамики. Показано, какую роль играют категории смерти, безвестности и забвения в художественном мире двух авторов и как это соотносится с типологией лирического сознания, характерной для поэзии XIX и XX вв.

Ключевые слова: П. А. Вяземский, И. И. Дмитриев, О. Э. Манделъштам, А. Белый, эпитафия, диалог, реминисценция.

В состав «несобранного» цикла, посвященного памяти Андрея Белого и носившего в домашнем обиходе Манделъштамов название «Реквием», входит следующее стихотворение:

< V >

Откуда привезли? Кого? Который умер?
Где <...> ? Мне что-то невдомек.
Скажите, говорят, какой-то гоголь умер.
Не гоголь, так себе, писатель-гоголёк.

Тот самый, что тогда невнятицу устроил,
Чего-то шустрился, довольно уж легок,
О чем-то позабыл, чего-то не усвоил,
Затеял кавардак, перекрутил снежок.

Гельфонд Мария Марковна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и межкультурной коммуникации, академический руководитель образовательной программы «Филология» Высшей школы экономики – Нижний Новгород (ул. Большая Печерская, 25/12, Нижний Новгород, 603005, Россия; mgelfond@hse.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2019. № 2
© М. М. Гельфонд, 2019

Молчит, как устрица, на полтора аршина
К нему не подойти – почетный караул.
Тут что-то кроется, должно быть, есть причина.
<...> напутал и уснул.

Январь 1934

[Мандельштам, 1991, т. 1, с. 207–208]

Традиционно оно рассматривается в общем контексте «беловского» цикла [Марголина, 1991; Полякова, 1997; Лекманов, 2008; Свасьян, 2008; Спивак, 2013; Минц, 2015], особая сложность интерпретации которого связана с тем, что стихотворения, включенные в него, «сохранились по большей части в позднейших списках Н. Я. Мандельштам и людей из окружения поэта» [Спивак, 2013, с. 382]. До конца не прояснен таким образом и точный состав цикла, и последовательность расположения в нем стихотворений, и окончательный выбор редакций и вариантов. Не сохранился и единственный автограф рассматриваемого стихотворения: по воспоминаниям Н. Я. Мандельштам, оно было последним в цикле и не имело конца. «После обыска, – писала вдова поэта, – я дала листок с этим стихотворением Эмме Герштейн – он, не замеченный обыскивающими, остался на полу» [Мандельштам, 1990, с. 322]. В его утрате, точнее в сознательном уничтожении, Н. Я. Мандельштам обвинила Э. Г. Герштейн. По словам последней, речь с большой долей вероятности шла о черновике другого стихотворения: «Черновик представлял собой клочок бумаги приблизительно в одну шестнадцатую листа, на котором рукой Мандельштама мелко-мелко были записаны, несколько раз поправлены, затем вынесены два стиха над зачеркнутым целиком текстом. Стихи, вероятно, предназначались для срединных строф стихотворения “Меня преследуют две-три случайных фразы”. Несколько раз перечеркнутый текст с трудом поддавался прочтению, но запомнившееся мне обилие сложных слов, характерных для философской лирики Мандельштама, не позволяет признать в этом черновике запись пропавшего стихотворения “Откуда привезли? Кого? Который умер?” – как об этом неверно сообщает Надежда Мандельштам» [Герштейн, 2002, с. 68]. О сожжении части архива Мандельштамов Э. Г. Герштейн говорит в другом месте своих мемуаров, вновь вспоминая об утраченном тексте и отрицая свою непосредственную вину в гибели автографа [Там же, с. 77].

Стихотворение сохранилось в записи Н. Я. Мандельштам, сделанной в 1950-х гг. по памяти с двумя пропусками. По свидетельству И. М. Семенко, «Н. Я. Мандельштам согласилась с условным предположением, что на месте первого пропуска (“Где <...?>”) могло быть: “Где будут хоронить?” [Жизнь и творчество..., 1990, с. 137], предположений относительно второго пропуска нет, и в примечании Н. Я. Мандельштам говорится: «Слова утеряны» [Там же, с. 82]. «Мандельштам все же определил ему место, – пишет его вдова, – оно последнее в цикле – и сказал: “Будем печатать, доделаю”. Ему не пришлось ни доделывать, ни печатать» [Мандельштам, 1990, с. 322].

Каким бы ни был точный текст завершающего стихотворения цикла, очевидно, что все оно строится «на голосах из толпы» [Сурат, 2009, с. 42] – это многоголосая реакция на ситуацию «смерти поэта», своего рода коллективный эпилог мандельштамовского «реквиема», который снижает и опрощает ситуацию, последовательно переводя ее в другой языковой регистр: «Не гоголь, так себе, писатель-гоголек». Об этой же полифонии стихотворения пишет и Э. Г. Герштейн, утверждая, что в нем «спародирована бессмысленная разговорная речь любопытствующих обывателей» [Герштейн, 2002, с. 68].

Среди источников, подтекстов и параллелей этого мандельштамовского стихотворения исследователи называли фрагмент из книги «Гоголь в письмах и воспоминаниях» [Черашняя, 1992, с. 109], неоднократно отразившийся у Мандельштама

ма «грибоедовский» эпизод из пушкинского «Путешествия в Арзрум» [Сурат, 2009, с. 42], фрагмент из дневника цензора А. В. Никитенко, процитированный В. В. Вересаевым в книге «Пушкин в жизни» [Сурат, 2009, с. 43]. Нельзя, конечно, исключить и непосредственного воздействия реальной ситуации – разговоров, которые Мандельштам, по всей вероятности, слышал на похоронах Андрея Белого [Смерть Андрея Белого..., 2013, с. 376–396]. «Слышу голоса прохожих: “Хоромят Андрея Белого. – Кого? – Андрея Белого – писателя” – передают друг другу мальчишки» [Там же, с. 440]. 10 января, в день похорон, Мандельштам был на Новодевичьем кладбище, стоял в почетном карауле, и в суматохе ему даже упала на спину крышка гроба [Смерть Андрея Белого..., 2013, с. 392; Нерлер, 2016]. И все же рискнем предположить, что у этого стихотворения Мандельштама есть еще один литературный источник, прежде остававшийся незамеченным. Это одно из предсмертных стихотворений П. А. Вяземского, входящее в цикл «Хандра с проблесками»:

Что выехал в Ростов

Дмитриев

«Такой-то умер». Что ж? Он жил да был и умер.
Да, умер! Вот и всё. Всем жребий нам таков.
Из книги бытия один был вырван номер.
И в книгу внесено, что «выехал в Ростов».
Мы все попутчики в Ростов. Один поране,
Другой так попоздней, но всем ночлег один:
Есть подорожная у каждого в кармане,
И похороны всем – последствие крестин.
А после? Вот вопрос. Как знать, зачем пришли мы?
Зачем уходим мы? На всем лежит покров,
И думают себе земные пилигримы:
А что-то скажет нам загадочный Ростов?

1876 (?)

[Вяземский, 1986, с. 414]

Первое, что бросается здесь в глаза, – поразительная близость ритмико-синтаксического и интонационного рисунка двух стихотворений. Торжественность шестистопного ямба – традиционного метра «Памятника» – за счет синтаксического членения первой строки оборачивается своей противоположностью: разделяющий ее на две части вопрос словно бы обесценивает саму категорию смерти. Причем если в стихотворении Мандельштама вопрос «Кого?» снижает именно ситуацию смерти поэта, то в стихотворении Вяземского вопрос «Что ж?» обесценивает любую смерть. Замыкающее первую строку слово «умер» усиливается у Мандельштама тавтологической рифмой; у Вяземского – снижается канцелярским «номер» и рифмой, граничащей с каламбурной. Важнейшая интенция обоих произведений связана с тем, что смерть теряет статус события – она либо становится предметом досужих обсуждений, либо в принципе перестает быть значимой. В случае Мандельштама снижение регистра происходит за счет столкновения разных голосов из толпы; в случае Вяземского – за счет собственно авторского обесценивания предмета речи.

При всем сходстве ритма, интонации, лексики, композиции нельзя не отметить и различных обертонов темы. Присмотримся вначале к стихотворению П. А. Вяземского. Осмысление феномена смерти связано в нем с несоразмерностью категории смерти для себя и других. Масштабность итогового события для самого человека опровергается его незначительностью и обыденностью с точки зрения других. Высокий образ «книги бытия» контрастирует с записью в книге актов, где имя и судьба низводятся до канцелярской формулы «такой-то умер». Чужая –

и притом безличная – речь цитируется в стихотворении Вяземского дважды. Первая его строфа словно бы опоясана двумя формулами смерти – бюрократическим штампом и народной репликой. История второй из этих формул «выехал в Ростов» представляется особенной значимой.

Эпиграф к стихотворению взят из «Эпитафии» (1803) И. И. Дмитриева – поэта, не просто любимого П. А. Вяземским, но и увековеченного им в «Известиях о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева»:

Здесь бригадир лежит, умерший в поздних летах.

Вот жребий наш каков!

Живи, живи, умри – и только что в газетах

Осталось: выехал в Ростов

[Дмитриев, 1986, с. 238].

Не вызывает сомнения, что Вяземскому была хорошо известна и история приведенной Иваном Дмитриевым словесной формулы «выехал в Ростов». В речи москвичей она возникла во время моровой язвы или чумы 1771 г. Как пишет граф Е. А. Салиас, «все меры против распространения моровой язвы не вели ни к чему, и *чумового покойника хоронили тайком* (курсив в цитатах здесь и далее наш. – М. Г.), в огороде или в подвале, и в случае огласки клялись и божились, что у них в доме покойника никогда не бывало и что исчезнувшее лицо выехало из Москвы. При этом большею частью ссылались на одну из застав, где пропуск из столицы был свободен, по дороге на город Ростов. Всякий раз, когда обыватели заявляли об исчезнувшем лице, что он выехал в Ростов, начальство знало, *что человек этот умер и где-нибудь тайком похоронен*. И выражение “выехал в Ростов” осталось навеки в языке, сохранив свой особый подразумеваемый смысл» [Салиас, 1895, с. 16].

Современные словари указывают, что этот подразумеваемый смысл – жизнь и смерть неизвестного, незаметного человека [Серов, 2005]. Но Вяземский трактовал его несколько иначе. «У нас, – писал он, – государственные люди, полководцы, писатели, художники преходят молчаливо и как бы украдкой поприще действия своего и, по большей части в жизни сопровождаемые равнодушием, по кончине награждаются одним забвением. Смерть их похитила, и из частной их жизни молва ничего не завещает нам ни поучительного, ни занимательного, и ни один голос не раздастся для сохранения их памяти. На холодной и неблагоприятной почве остывают и изглаживаются все следы бытия человека знаменитого при жизни, но который по смерти оставляет нам, как известный бригадир, разве только одно предание в газетах, что *он выехал в Ростов*» [Вяземский, 1982, с. 56]. Далее Вяземский пишет о Суворове, Ломоносове и самом Иване Дмитриеве; очевидно, что акцент здесь делается не на безвестности, а на скором забвении подлинно великих людей – забвении, которому автор как литератор и мемуарист пытается в меру своих сил противостоять.

Могло ли привлечь внимание Мандельштама это стихотворение Вяземского? Сложно ответить на такой вопрос однозначно. С одной стороны, Вяземский почти не упоминается в прозе и эссеистике Мандельштама – в отличие, например, от Батюшкова, Боратынского или Языкова. Единственный, кажется, раз Мандельштам называет Вяземского в статье «Буря и натиск» как одного из вероятных предшественников Владислава Ходасевича: «Его младшая линия – стихи второстепенных поэтов пушкинской и послепушкинской поры – домашние поэты-любители, вроде графини Ростопчиной, Вяземского и т. д.» [Мандельштам, 1991, т. 2, с. 345]. Но «Буря и натиск» – статья, написанная в 1922–1923 гг.; десятилетием позже, в 1932 г. Мандельштам собирал по букинистам издания русских поэтов и заново пересматривал русскую поэзию XIX в. [Михайлов, Нерлер, 1990, с. 524]. Это отозвалось в «Стихах о русской поэзии», которые «даже при беглом прочте-

нии производят впечатление текста, целиком сотканного из мотивов, аллюзий, параллелей, относящихся к истории русской поэзии» [Гаспаров, 1993, с. 125].

Присутствие в этом цикле не названного, но цитируемого Вяземского вполне ощутимо. Так, строка о «дубовой коре», как показал Б. М. Гаспаров, восходит к письму Пушкина Вяземскому от 5 ноября 1830 г. [Там же, с. 138]; более того, именно в этом письме Пушкин иронически приводит строку из переложения И. И. Дмитриевым оды Горация: «Что у ней за сердце? твердою дубовою корою, тройным булатом грудь ее вооружена как у Горациева мореплавателя» [Там же, с. 138]. Образ поэтических поколений отразился и в посмертной характеристике, данной Языкову П. А. Вяземским: «Пушкин был отец твой крестный, а Державин прадед твой» [Там же, с. 160]. Неоднократно высказывалось предположение и о том, что непосредственное воздействие Вяземского испытало и более раннее стихотворение Мандельштама «Я пью за военные астры...» (1931), в котором трансформировалось послание П. А. Вяземского «Я пью за здоровье немногих...» [Баевский, 2007]. Значимы подтексты Вяземского и в «Ламарке» (1932) [Гаспаров, 1993, с. 209–210], где Мандельштам «в сущности точно следуя за образной канвой стихотворения Вяземского, придает тем же образом диаметрально противоположную символическую ценность» [Там же, с. 210].

Не менее важен был для Мандельштама и цитируемый Вяземским Иван Дмитриев – поэт, структура стихотворения которого «Други! Время скоротечно...» была зеркально воссоздана в мандельштамовском «Кому зима – арак и пуниш голубоглазый...» [Магомедова, 1991]. Тем более вероятно, что Мандельштам отозвался на поэтическое обращение Вяземского к Дмитриеву в той ситуации, которая и сама тяготела к подобному поэтическому диалогу. Прощавшийся с жизнью Вяземский находил в формуле давно умершего Дмитриева парадоксальное утешение; прощавшийся с Белым Мандельштам отпевал не только его, но и самого себя. «Только тогда Мандельштаму стала совершенно ясна тема соумирания, сочувствия смерти другого как подготовки к собственному концу. Вот тогда-то я и говорила ему: “Чего ты сам себя хоронишь?” – а он отвечал, что надо самому себя похоронить, пока не поздно, потому что неизвестно, что еще предстоит [Мандельштам, 1990, с. 321].

Самоутешение, которое Вяземский в какой-то степени находил и в словах Дмитриева, и в цитируемом им слове толпы, и в канцелярской формуле, основывалось на всеобщей обязательности смерти, ее неотменимости и соответственно – личной необходимости примириться с ней. В восприятии Мандельштама – в том случае, если он знал об истории приведенной Вяземским словесной формулы, – смысл ее мог и должен был быть иным: это чумная, «оптовая», постыдная, скрытая от чужих глаз смерть. Множественные подтексты из пушкинского «Пира во время чумы» в лирике Мандельштама сгущаются в первой половине 30-х гг. [Магомедова, 2001]; и здесь нельзя исключить своеобразной контаминации пушкинского текста с отстоявшейся в формулировке Дмитриева и Вяземского московской холерой 1771 г. Успокоительное для Вяземского обесценивание смерти могло оказаться для Мандельштама пророческим. «Утрата имени, смерть в безвестности» [Сурат, 2009, с. 43], соединение с миллионами, «убитых задешево», – это и есть новая формула смерти.

Вяземский утешал себя тем, что он умрет как все, в силу всеобщего жребия и неотвратимости законов земного бытия. Мандельштам, в отличие от своего предшественника, не искал в этом утешения. Он знал, отпевая Андрея Белого, что его собственная смерть, как и смерть старшего поэта, станет предметом досужих толков, что имя его растворится в словах толпы (и в этом смысле последнее стихотворение «беловского цикла» – непосредственный предшественник позднейшей автоэпитафии «Это какая улица?»). Эпитафия безвестному человеку, к которой тяготело стихотворение Вяземского, оборачивается у Мандельштама эпита-

фией поэту – но поэт так же безвестен, как все остальные, его ожидает та же всеобщая судьба. Самоутешение вытесняется знанием своей – и всеобщей судьбы. Так резонанс двух текстов – вне зависимости от того, насколько сознательным было обращение Мандельштама к Вяземскому, – ставит перед читателем вопрос о самой категории смерти в лирическом сознании поэтов XIX и XX вв., о соотношении личного и внеличного, исключительного и особенного, памяти и забвения.

Список литературы

- Баевский В. С.* Три сюжета о Мандельштаме // Знамя. 2007. № 2. С. 132–138.
- Вяземский П. А.* Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева // Вяземский П. А. Соч.: В 2 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 2: Литературно-критические статьи / Сост., подгот. текста и коммент. М. И. Гиллельсона. С. 56.
- Вяземский П. А.* Стихотворения / Вступ. ст. Л. Я. Гинзбург; сост., подгот. текста и примеч. К. А. Кумпан. Л.: Сов. писатель, 1986. (Б-ка поэта. Большая серия).
- Гаспаров Б. М.* Сон о русской поэзии (Мандельштам. Стихи о русской поэзии. 1–2) // Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. М.: Наука, 1993.
- Герштейн Э. Г.* Мемуары. М.: Захаров, 2002.
- Дмитриев И. И.* Сочинения / Сост. и коммент. А. М. Пескова, И. З. Сураг; вступ. ст. А. М. Пескова. М.: Правда, 1986.
- Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990.
- Лекманов О. А.* Хлестаков(ы) русской поэзии // Андрей Белый в изменяющемся мире: к 125-летию со дня рождения / Сост. М. Л. Спивак. М., 2008. С. 342–348.
- Магомедова Д. М.* О Мандельштаме и И. Дмитриеве: проблема внутреннего и внешнего адресата стихотворения // Слово и судьба: Осип Мандельштам. М., 1991. С. 408–413.
- Магомедова Д. М.* Мотив «пира» в поэзии О. Э. Мандельштама // Смерть и бессмертие поэта: Материалы междунар. науч. конф., посвященной 60-летию со дня гибели О. Э. Мандельштама, Москва, 28–29 декабря 1998 г. М., 2001. С. 134–143.
- Мандельштам Н. Я.* Вторая книга: Воспоминания / Подгот. текста, предисл., примеч. М. К. Поливанова. М.: Моск. рабочий, 1990.
- Мандельштам О. Э.* Собрание сочинений: В 4 т. / Под ред. Г. П. Струве, Б. А. Филиппова. М.: Терра – Terra, 1991.
- Марголина С. О.* Мандельштам и А. Белый: полемика и преемственность // Russian Literature. Amsterdam. 1991. № 4 (15 Nov.). С. 431–454.
- Миц Б. А.* Несобранный цикл О. Мандельштама памяти Андрея Белого (проблемы композиции и жанра) // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2015. Т. 15, вып. 4. С. 90–98.
- Михайлов А. Д., Нерлер П. М.* Комментарии // Мандельштам О. Э. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1990.
- Нерлер П. М.* В Москве (ноябрь 1930 – май 1934) // Новый мир. 2016. № 3.
- Полякова С. В.* «Беловский субстрат» в стихотворениях Мандельштама, посвященных памяти Андрея Белого; Мандельштам о творчестве Андрея Белого // Полякова С. В. «Олейников и об Олейникове» и другие работы по русской литературе. СПб., 1997. С. 270–286.
- Салиас Е. А.* Собрание сочинений: В 33 т. Т. 13. М., 1895.
- Свасьян К.* Андрей Белый и Осип Мандельштам // «Сохрани мою речь...»: записки Мандельштамовского общества. Вып. 4: В 2 ч. М., 2008. Ч. 2. С. 304–319.

Серов В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: 2005.

Смерть Андрея Белого (1800–1934). Документы. Некрологи, письма, дневники, посвящения, портреты / Сост. М. Спивак, Е. Наседкина. М.: НЛЮ, 2013.

Спивак М. Л. Осип Мандельштам [На смерть Андрея Белого] / Подгот. текста, коммент., послесл. // Смерть Андрея Белого (1800–1934). Документы. Некрологи, письма, дневники, посвящения, портреты / Сост. М. Спивак, Е. Наседкина. М.: НЛЮ, 2013. С. 376–396.

Сурам И. З. Мандельштам и Пушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2009.

Черашняя Д. И. Этюды о Мандельштаме. Ижевск, 1992.

M. M. Gelfond

High School of Economics, Nizhny Novgorod, Russian Federation, mgelfond@hse.ru

On a possible source of the Mandelstam's epitaph to Andrei Bely

The paper considers one of the possible sources of Osip Mandelstam's poem "Where was he taken from? Who? Who died?" included in the lyrical cycle in honor of Andrei Bely. The lack of the autograph and final version of the author complicates interpretation and poses some questions to be solved by researchers. One of them is the question of possible literary sources of the text. Traditionally, some memories of Pushkin's and Gogol's funeral and the episode of "Journey to Erzurum" by Pushkin related to the Griboyedov's fortune were regarded as possible pretexts and parallels to Mandelstam's poem. The research conducted allows extending this list and introducing a poem by Piotr Vyazemsky "So-and-so died. Well? He there lived and died" from the lyrical cycle "The Melancholy with glimpses." The poems of Vyazemsky and Mandelstam are written in the same verse and are close in lexical, syntactic and compositional aspects. Of particular interest is the verbal formula "departed for Rostov," quoted by Vyazemsky in the epigraph, and the text of the poem. This formula refers to death in obscurity and goes back to cholera in Moscow in 1771 in the poem of Ivan Dmitriev. Mandelstam's general interest to the Russian poetry of Pushkin's era, particularly to Vyazemsky and Ivan Dmitriev, and to the plot of the "Feast during the plague" suggests that Mandelstam consciously projects the situation of Vyazemsky approaching to Dmitriev on his own appeal to Andrei Bely.

Keywords: P. Vyazemskiy, I. Dmitriev, O. Mandelshtam, A. Bely, epitaph, dialog, reminiscence.

DOI 10.17223/18137083/67/7

References

Bayevskiy V. S. Tri syuzheta o Mandel'shtame [Three stories about Mandelshtam]. *Znamya*. 2007, no. 2, pp. 132–138.

Cherashnyaya D. I. *Etyudy o Mandel'shtame* [Essays on Mandelstam]. Izhevsk, 1992.

Dmitriyev I. I. *Sochineniya* [Works]. A. M. Peskov, I. Z. Surat (Comps., comm.); A. M. Peskov (Intr. art.). Moscow, Pravda, 1986.

Gasparov B. M. Son o russkoy poezii (Mandel'shtam. Stikhi o russkoy poezii. 1–2) [Dream about Russian poetry (Osip Mandelstam. Poems about Russian poetry. 1–2)]. In: Gasparov B. M. *Literaturnyye leytmotivy. Ocherki russkoy literatury XX veka*. [Literary leitmotifs. Essays on Russian literature of the 20th century]. Moscow, Nauka, 1993.

Gershteyn E. G. *Memuary* [Memoirs]. Moscow, Zakharov, 2002.

Lekmanov O. A. Khlestakov(y) russkoy poezii [Khlestakov(s) of Russian poetry]. In: *Andrey Bely v izmenyayushchemsya mire: k 125-letiyu so dnya rozhdeniya* [Andrei Bely in a changing world: in honor of the 125th anniversary of the birth]. M. L. Spivak (Comp.). Moscow, 2008, pp. 342–348.

Magomedova D. M. O. Mandel'shtam i I. Dmitriyev: problema vnutrennego i vneshnego adresata stikhotvoreniya [O. Mandelstam and I. Dmitriev: the problem of internal and external

addressee of the poem]. In: *Slovo i sud'ba: Osip Mandel'shtam* [Word and life: Osip Mandel'shtam]. Moscow, 1991, pp. 408–413.

Magomedova D. M. Motiv “pira” v poezii O. E. Mandel'shtama [The motive of the “feast” in the poetry of Mandel'shtam]. In: *Smert' I bessmertnye poeta: Materialy mezhdunar. nauch. konf., posvyashchennoy 60-letiyu so dnya gibeli O. E. Mandel'shtama, Moskva, 28–29 dekabrya 1998 g.* (Moskva, 28–29 dekabrya 1998 g). [Death and the immortality of the poet. Materials of the international scientific conference devoted to the 60th anniversary since the death of Mandel'shtam]. Moscow, 2001, pp. 134–143.

Mandel'shtam N. Ya. *Vtoraya kniga: Vospominaniya* [The second book: Memories]. M. K. Polivanova (prep. of the text., foreword, notes). Moscow, Moskovskiy rabochiy, 1990.

Mandel'shtam O. E. *Sobraniye sochineniy: V 4 t.* [Collected works: in 4 vols]. G. P. Struve, B. A. Filippova (Eds). Moscow, Terra – Terra, 1991.

Margolina S. O. Mandel'shtam i A. Belyy: polemika i preymstvennost' [Mandel'shtam and A. White: controversy and continuity]. *Russian Literature. Amsterdam.* 1991, no. 4 (15 Nov.), pp. 431–454.

Mikhaylov A. D., Nerler P. M. Kommentarii [Comments]. In: Mandel'shtam O. E. *Sobr. soch.: V 2 t. T. 1* [Collected works: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, 1990.

Mints B. A. Nesobrannyi tsikl O. Mandel'shtama pamyati Andreyi Belogo (problemy kompozitsii i zhanra) [Uncollected cycle of Osip Mandel'shtam memory of Andrei Bely (the problem of composition and genre)]. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism.* 2015, vol. 15, iss. 4, pp. 90–98.

Nerler P. M. V Moskve (noyabr' 1930 – may 1934) [In Moscow (November 1930 – may 1934)]. *Novyy mir.* 2016, no. 3.

Polyakova S. V. “Belovskiy substrat” v stikhotvoreniyakh Mandel'shtama, posvyashchennykh pamyati Andreyi Belogo; Mandel'shtam o tvorchestve Andreyi Belogo [“Belovskiy substrate” in Mandel'shtam's poems dedicated to the memory of Andrei Bely; Mandel'shtam on the works of Andrei Bely]. In: Polyakova S. V. *“Oleynikov i ob Oleynikove” i drugie raboty po russkoy literature* [“Oleynikov and about Oleynikov” and other works on Russian literature]. St. Petersburg, 1997, pp. 270–286.

Salias E. A. *Sobraniye sochineniy: V 33 t. T. 13* [Collected works: in 33 vols. Vol. 13]. Moscow, 1895.

Serov V. V. *Entsiklopedicheskiy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy* [Encyclopedic dictionary of winged words and expressions]. Moscow, 2005.

Smert' Andreyi Belogo (1800–1934). Dokumenty. Nekrologi, pis'ma, dnevniki, posvyashcheniya, portrety [The death of Andrei Bely (1800–1934) Documents. Obituaries, letters, diaries, dedications, and portraits]. M. Spivak, E. Nasedkina (Comps). Moscow, NLO, 2013.

Spivak M. L. Osip Mandel'shtam (Na smert' Andreyi Belogo). Podgot. teksta, komment., poslesl. [Osip Mandel'shtam (To the death of Andrei Bely). Preparation of text, comments, afterword]. In: *Smert' Andreyi Belogo (1800–1934). Dokumenty. Nekrologi, pis'ma, dnevniki, posvyashcheniya, portrety* [The death of Andrei Bely (1800–1934) Documents. Obituaries, letters, diaries, dedications, and portraits]. M. Spivak, E. Nasedkina (Comps). Moscow, NLO, 2013, pp. 376–396.

Surat I. Z. *Mandel'shtam i Pushkin* [Mandel'shtam and Pushkin]. Moscow, IMLI RAN, 2009.

Svas'yan K. Andrey Bely i Osip Mandel'shtam [Andrei Bely, and Osip Mandel'shtam]. In: *“Sokhrani moyu rech'...”: zapiski Mandel'shtamovskogo obshchestva. Vyp. 4: V 2 ch.* [“Save my speech...”: notes of Mandel'shtam society. Iss. 4: in 2 pts]. Moscow, 2008, pt 2, pp. 304–319.

Vyazemskiy P. A. Izvestiye o zhizni i stikhotvoreniyakh Ivana Ivanovicha Dmitriyeva [The news about the life and poems of Ivan Ivanovich Dmitriev]. In: Vyazemskiy P. A. *Soch.: V 2 t. T. 2: Literaturnokriticheskiye stat'i* [Works in 3 vols. Vol. 2: Literary and critical articles]. M. I. Gillelson (Comp.). Moscow, Khudozh. lit., 1982.

Vyazemskiy P. A. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Introd. art. by L. Ya. Ginzburg; ed., prep. of the text and notes by K. A. Kumpan. Leningrad, Sov. pisatel', 1986 (Biblioteka poeta. Bol'shaya seriya [Library of the poet. A large series]).

Zhizn' i tvorchestvo O. E. Mandel'shtama. Vospominaniya. Materialy k biografii. “Novyye stikhi”. Kommentarii. Issledovaniya [The life and work of Mandel'shtam. Memories. The materials for the biography. “New poems”. Comments. Research]. Voronezh, Voronezh Univ. Publ., 1990.